

СКАНДИНАВСКИЙ ФАКТОР В ОБРАЗОВАНИИ ПОЛОЦКОГО И ТУРОВСКОГО КНЯЖЕСТВ

Зарождение Древнерусского государства сопровождалось широким проникновением выходцев из Скандинавии на восточнославянские территории, о чем ярко свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. Особенно интенсивно славяно-скандинавское взаимодействие происходило на протяжении IX–X вв. (Мельникова 2011. С. 72). Превращение «предгосудаственной» политики полочан в раннегосударственное образование с центром в Полоцке авторы ПВЛ связали с деятельностью двух пришлых князей – вначале Рюрика, а затем Рогволода. А основателем политического центра в землях дреговичей – Турова – стал князь Туры. В современной исторической науке преобладает точка зрения об их скандинавском происхождении, исходя из этимологии их имен (др.-сканд. *Rögnvaldr* и *Þórir*). Мы остановимся на проблеме того, как скандинавское влияние сказалось на судьбе «племенных княжений» полочан и дреговичей – будущих Полоцкого и Туровского княжеств.

В концепции летописцев (ПВЛ под 980 г., Лаврентьевская летопись под 1128 г.) Рогволод представлен как первый и при этом самостоятельный правитель Полоцка. Из содержания указанной статьи ПВЛ также можно заключить, что вместе с Рогволодом прибыл Туры, который закрепился в землях «племенного княжения» дреговичей. Выбор скандинавскими предводителями именно этих восточнославянских центров не был случайным, поскольку они занимали стратегически выгодное положение на важнейших военно-торговых путях и не входили во владения Рюриковичей.

Ядром формирования территории княжения полочан стала зона междуречья Западной Двины, Ушачи и Уллы с центром в Полоцке (Левко 2012. С. 37). Время появления здесь Рогволода может быть уточнено при помощи археологических и нумизматических данных. Они показывают, что в середине X в. в Полоцке происходили существенные изменения, проявившиеся в распространении круговой керамики и расширении территории

города. Эти изменения вполне могли быть связаны с приходом Рогволода, который установил контроль над Западновинским путем, что подтверждается кладом из деревни Козьянки у юго-восточной окраины Полоцка, датируемым второй половиной 940-х годов (Плавінскі 2009. С. 311–312). Козьянковский клад свидетельствует, что к середине X в. Западновинский путь был одним из каналов поступления серебра с Востока на Балтику. Правление Рогволода содействовало росту экономической и политической роли Полоцка как в Подвинье, так и в Восточной Европе в целом. Показателем развития экономического потенциала Полоцкого княжества является нахождение на его территории 27 кладов с дирхемами (Штыхов, Бектинеев 2012. С. 376–377). Наличие в составе многих кладов североевропейских артефактов говорит об участии скандинавов в международной торговле, связанной с арабским серебром, и вовлечении в нее восточнославянских земель. На данный момент в Полоцке и его окрестностях не удалось выявить явных следов пребывания скандинавов. Некрополь Полоцка не сохранился, но есть предположение, что поселение со скандинавами следует искать в округе Полоцка (Дернович 2012).

Дреговичи занимали значительную часть территории современной Беларуси – междуречье Немана, Припяти и Днепра. Большую роль в развитии региона и образовании городов сыграли Днепро-Бугский и Днепро-Неманский торговые пути. Белорусские археологи выявили укрепленные поселения, которые, вероятно, были связаны с обслуживанием данных путей: Франополь в Побужье (Брестский р-н Брестской обл.), Городище на Ясельде (Пинский р-н Брестской обл.), Кульбачино (Щучинский р-н Гродненской обл.), Муравельник (Волковыск), Городище на Менке (Минский р-н) и др. Это были полиэтничные военноторгово-ремесленные поселения, в культуре которых в той или иной степени прослеживается скандинавское влияние. Особый интерес в связи с образованием Туровского княжества представляют два поселения – Франополь в Побужье и Городище на Ясельде. Они погибли в результате военного нападения на рубеже X–XI вв. (Іоў, Вяргей 1993).

Приблизительно на рубеже X–XI вв. возник Туров, более ранних слоев в нем не выявлено (Лысенко 2004. С. 33–35). В

городе были обнаружены остатки языческого святилища, относящиеся ко времени его основания. Археологические данные не противоречат сообщению ПВЛ о Туры как основателе Турова. Отсутствие в Турове артефактов североевропейского происхождения можно объяснить непродолжительностью «скандинавского периода», ограниченного для Турова княжением Туры. Сохранение памяти о нем в названии города свидетельствует об установлении князем хороших отношений с местным населением, основанных, возможно, на отправлении языческого культа (Штыхов 2008. С. 45).

Рогволод и Туры были представителями очередной волны скандинавов, осевших на Руси в середине X в. К этому времени потомки предыдущей скандинавской волны (во главе с Рюриком и Олегом) были славянизированы и уже практически утратили свою связь с прародиной (Успенский 2002. С. 30–31).

Судя по летописным известиям о междоусобицах Святославичей, Полоцкое княжество выступало как самостоятельное государственное образование, в котором единолично правил Рогволод. Он поддержал киевского князя Ярополка, одобрив его брак с Рогнедой, что привело к нападению Владимира на Полоцк. Туры был союзником полоцкого князя, и поэтому после убийства Рогволода Владимиром и подчинения Полоцка власти Киева Туры также, скорее всего, был устранен, а Туров перешел под непосредственную власть киевского князя. Это объясняет, почему Туры после единственного упоминания в ПВЛ под 980 г. бесследно исчезает со страниц летописей. Таким образом, в конце X в. Полоцкое и Туровское княжества были подчинены Владимиром и вошли в состав Древнерусского государства Рюриковичей.

В расширенной версии повествования о сватовстве Владимира к Рогнеде (в Лаврентьевской летописи под 1128 г.) появляется рассказ о попытке мести Рогнеды Владимиру. В семейный конфликт оказался втянутым Изяслав, сын Рогнеды и Владимира, который заступился за мать. Исход этой драмы оказался довольно неожиданным – по совету своих бояр Владимир отправил Рогнеду и Изяслава в ее «отчину» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 300–301). Легенда о Рогнеде и Владимире имеет близкие параллели в древнескандинавской литературной традиции. В сагах часто

именно женщина является инициатором мести. Мотив мести женщины за гибель отца присутствует в «Саге об Инглингах» и «Саге об Олаве Трюггвасоне» из «Круга Земного» Снорри Стурлусона в повествованиях о Скъяльв, Асе и Гудрун. В сагах также проявляется взгляд на сына как на члена рода матери, который может стать ее заступником и мстителем за ее родичей даже против собственного отца. В данном контексте выступление Изяслава на стороне матери следует рассматривать как проявление силы кровнородственной связи по материнской линии, характерной для родового общества и сохранявшейся еще долгое время (Рыдзевская 1978. С. 214). Мотив выступления сыновей против отца и их возвращения на родину матери встречается в «Саге об Инглингах» в повествовании о Висбуре (Снорри Стурлусон 1980. С. 18).

Рогнеда была восстановлена в правах на отцовское наследство и вместе с сыном Изяславом вступила в права владения своей родовой собственностью – Полоцком. Такое неожиданное решение киевского князя можно интерпретировать в контексте скандинавских правовых обычаев, которые были актуальны в варяжском окружении Владимира. В Скандинавии женщины, ближайшие родственницы по отцовской линии – дочь или сестра, в случае отсутствия прямых наследников мужского пола получали законное право наследовать одаль (др.-исл. *óðal*) – родовое земельное владение (Гуревич 1977. С. 53–54). При этом право конунга на власть над страной рассматривалось как наследственное право одала (Гуревич 2006. С. 71–73).

Необходимо также учитывать, что для скандинавского и восточнославянского обществ X в. были характерны сильные родовые традиции. Они проявлялись в распространении кровной мести, которая была священной обязанностью члена рода. Некоторые древнескандинавские и древнерусские нормы (Никольский 2001) указывают на правовую обоснованность участия Рогнеды и ее сына в кровной мести за Рогволода. В соответствии с родовыми традициями, которых придерживалось скандинавское окружение Владимира, попытка мести Рогнеды за убийство отца была полностью оправдана. Справедливым возмещением за смерть Рогволода стало возвращение Рогнеде и ее сыну прав обладания одалем (в древнерусской терминологии «отчиной») –

Полоцком. Вступление Изяслава в права владения наследством Рогволода означало, что сын Рогнеды и Владимира перешел в род матери и тем самым стал продолжателем рода Рогволода, благодаря чему в Полоцке уже в конце X в., раньше чем в других древнерусских политических центрах, оформилась собственная княжеская династия Рогволодовичей-Изяславичей. Имя родоначальника династии Рогволода прочно вошло в антропонимикон полоцких князей, что свидетельствует о его важном идеологическом значении в обосновании самостоятельности полоцкой династии Рогволодовичей-Изяславичей в разветвленном роде Рюриковичей, владевших Русью.

Таким образом, действие скандинавского фактора проявилось в установлении контроля Рогволода и Туры в племенных (Полоцк) и стратегических (Туров) центрах «княжений» полочан и дреговичей, что стало одним из оснований для образования Полоцкого и Туровского княжеств. Влияние скандинавского фактора также проявилось в закреплении Полоцка как родового владения («отчины») за собственной, скандинавской по происхождению ее родоначальника, княжеской династией Рогволодовичей-Изяславичей.

Литература

- Гуревич А.Я.* Норвежское общество в раннее средневековье: проблемы социального строя и культуры. М., 1977.
- Гуревич А.Я.* Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб., 2006.
- Юў А.В., Вяргей В.С.* Гандлёва-эканамічныя сувязі насельніцтва Заходняга Палесся ў IX – пач. XI ст.ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1993. Ч. 1. С. 117–134.
- Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1980.
- Левко О.Н.* Кривичи-полочане и их соседи в Белорусском Подвинье и Поднепровье. Образование Полоцкого княжества // Полоцк. Минск, 2012. С. 36–41.
- Лысенко П.Ф.* Древний Туров. Минск, 2004.
- Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия: Избр. тр. М., 2011.
- Никольский С.Л.* О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // ДГ, 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 160–169.
- Плавінскі М.А.* Раннесярэньявечны Полацк: тапаграфічная структура і пытанні храналогіі // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай